

К 100-летию поэта Николая Олейникова

КОНДУКТОР ЧИСЕЛ

Гомер тебе пошляк, и Гете —
глупый грешник

*Независимая
газета. - 1998. - 4 авг. - с. 7*

Сергей Поволяев

Кондуктор чисел, дружбы злой
насмешник,
О чем задумался? Иль вновь
порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и
Гете — глупый грешник,
Тобой осмеян Дант — лишь
Бунин твой кумир.

«В ОТ, ГОВОРЯТ, Олейников очень умный. А по моему, он умный, да не очень. Он отрыл, например, что если написать 6 и перевернуть, то получится 9. А по моему, это неумно», — заметил в свое время Даниил Хармс. Он хотел тогда растрепать одну компанию, что и сделал.

А компания, признаемся,

Николая Олейникова интеллигентно убили XX века... В гражданскую его чуть не убили белые, но он бежал, скрывался на хуторе у деда. Незадолго до Отечественной его убили красные.

И МАЛО В НЕМ ИСКУССТВА

Твой стих порой смешит, порой тревожит чувство,
Порой печалит слух иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нем искусства,
И в бездну мелких дум он сверзиться спешит.
Излюбленный жанр Олейникова — посвящения: «Вале Шварц», «Муре Шварц», «Заведующей столом справок»,

репный, Кравцов, Н.Технурков, Мавзолеев-Каменский, Петр Близорук. Но все эти «игры» не относятся к стихам. Стихи Олейников не подписывал псевдонимами (впрочем, и напечатал-то он при жизни всего три стихотворения). Другое дело, что герои — и «верблюды без юбок», и «жареная рыбка, дорогой карась», и «кузнецик, мой верный товарищ», и «жук-антисемит», и «воробей-еврей», многочисленные прочие тараканы и мухи — все это, конечно же, Николай Олейников. Собрание насекомых и прочей живности? Ну да! А что делать автору, если он влюблен, например, в Генриетту Давыдовну, а она в него, кажется, нет?

Ею Шварцу квитанция выдана,

Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца

проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

Поэты «серьезные», «трогательные» — это, конечно же, поэты первого ряда, они и пишут больше, их проходят с первого по десятый (теперь уже, по моему, одиннадцатый класс. Их знают все. По крайней мере, знают их имена. Поэтов «игровых», несерьезных изучают в университетах, да еще слушают в детском саду. Их «аудитория» гораздо меньше: в детском саду, конечно, все читали детские книжки, а не «поэзию», в университеты же попадает не каждый. Несерьезные поэты часто и к поэзии относятся не слишком серьезно, мало пишут, а без этого в первый ряд не пробраться. Пусть не партийных книжек, но сто томов для этого необходимо как воздух. Некрасов, Евтушенко, Бродский, несомненно, гениальны, но они еще и классики. Олег Григорьев, Глазков, Олейников гениальны тоже, однако, классиками не являются.

И ГДЕ ТВОЙ СМЕРТНЫЙ СТОЛБ?

Постой! Вернись назад! Куда
холодной душой
Летишь, забыв закон видений
встречных толп?
Кого дорогой в грудь пронзил
стрелой угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг?
И где твой смертный столб?

152

Николай Олейников. Ленинград, 1931 год (из собрания семьи Н.М. Олейникова).

была замечательной, многих из этой компании мы знаем под именем обэриутов. Олейников, естественно, обэриутом не был. Николай Макарович Олейников был донским казаком. И даже внешне, как писал в недавно вышедшей книжке «Жизнь Н.А. Заболоцкого» Никита Заболоцкий, «он был похож на донского казака — с вьющимися светлыми волосами, скуластым лицом, с обманчиво спокойными, хитроватыми голубыми глазами. Он редко улыбался, но характер имел насмешливый, даже язвительный».

А кроме того, он был красноармейцем, членом коммунистической партии с 1920 года, детским писателем... Работал в газетах «Красный казак», «Все-российская кочегарка», «Молот», литературно-художественном журнале «Забой» (там он и встретил «Шварца проклятого»). Далее «Ленинградская правда», журнал «Новый Робинзон» (впоследствии Детский отдел Госиздата), знаменитые «Еж» (Ежемесячный журнал) и «Чиж» (Чрезвычайно интересный журнал), «Сверчок»...

«Гомер тебе пошляк, и Гете — глупый грешник, / Тобой осмеян Дант...» — писал в стихотворении, посвященном Олейникову, Хармс. Трудно сказать, насколько он был прав. Во всяком случае, сам Олейников в известных «Разговорах» Липавского так говорил о себе: «Меня интересуют — питание, числа, насекомые, журналы, стихи, свет, цвета, оптика, занимательное чтение, женщины, «пифагорейство-лейбницийство», картинки, устройство жилища, правила жизни, опыты без приборов, задачи, рецептура, масштабы, мировые положения, знаки, спички, рюмки, вилки, ключи и т.п., чернила, карандаши и бумага, способы письма, искусство разговаривать, взаимоотношения с людьми, гипнотизм, доморощенная философия, люди XX века, скука, проза, кино и фотография, балет, ежедневная запись, природа, «александрополисовщина», история нашего времени, опыты над самим собой, математические действия, магнит, назначение различных предметов и животных, озарение, формы бесконечности, ликвидация брезгливости, терпимость, жалость, чистота и грязь, виды хвастовства, внутреннее строение Земли, консерватизм, некоторые разговоры с женщинами».

«Генриетте Давыдовне», «Тамаре Григорьевне», «Любочке Брозелио» etc. А также послания: «Послание, одобряющее стрижку», «Послание, бичующее ношение длинных платьев и юбок» и даже «Послание, бичующее ношение одежды»... Уже сами названия вызывают улыбку, стихи тем более — они легки, изящны, именно веселы. В них нет пародии, сатиры, бичевания. Стихи шутивы. Точнее, так они воспринимаются читателем.

А ведь поэты не шутят. Вообще. Не любят и не умеют. Другое дело, что поэты часто выглядят смешно. И то, что они делают, что пишут, кажется порой смешным. Но для самих поэтов — это жизнь. Надежда Лохвицкая, более известная как Тэффи, говорила, что, когда анекдот происходит в жизни — это трагедия. Так же и Николай Олейников, так же и вообще стихи.

Однажды красавица Вера,
Одежды откинувши прочь,
Вдвоем со своим кавалером
До слез хохотала всю ночь.
Действительно весело было!
Действительно было смешно!
А вьюга за форточкой вела,
И ветер стучался в окно.

Красавице Вере (и ее кавалеру) от стихов, конечно, смешно. А у поэта — вьюга за форточкой. Он не шутит. Правда, поэт может играть. Ведь поэты, как верно заметил Ежи Лец, похожи на детей: когда сидят за столом, не достают ногами до земли. У хороших поэтов вся жизнь — это поэзия, и следовательно, вся жизнь — игра. Когда взрослые, порой даже толстые и лысые, лядьки играют, у многих это вызывает улыбку, смех. Чувство превосходства и чувство радости. Порой чувство жалости, сочувствия — как к маленьким, больным, слабым. Такие стихи называются лирикой, их, конечно, писать проще. Проще и даже почетнее, потому что вызывать смешным и вызывать смех — обиднее, чем вызывать сочувствие. Недаром же сочувствие дается как благодать. Да и вообще поэты, которые «трогают», вызывают сочувствие чаще всего и считаются поэтами в собственном смысле слова. Есть, конечно, еще и поэты «сложные», но это все равно или продолжение «игры», или продолжение «трогательности». Только не сразу и не всех «трогает», не сразу и не всех смешит.

Николай Олейников, разумеется, любил играть: Макар Сви-

Этот вопрос Хармса, разумеется, является риторическим, но все же поговорим и об этом. 3 июля 1937 года в Ленинграде Олейникова арестовывают. 2 августа 1937 года он пишет из тюрьмы записку (единственную) домой. 24 ноября 1937 года его расстреливают. 7 сентября 1957 года Военный трибунал Воронежского военного округа высылает его вдове «гр-ке Олейниковой Л.А.» справку «о полной реабилитации посмертно». Что же касается «столба», то в свидетельстве о смерти Н.М. Олейникова, выданном 2 октября 1956 года и в котором датой смерти указан 42-й год, написано (не стихами, правда, но также риторически): «Место смерти: город селение — не указано, район — прочерк, область, край, республика — прочерк. Место регистрации — Дзержинский загс...»

И, наконец, главное. 14 января 1958 года Ленинградский обком партии восстановил Олейникова в КПСС. И на том, как говорится, спасибо. Впрочем...

Трудно, конечно, представить, как сложилась бы судьба Николая Олейникова, если бы ему не удалось найти убежище у деда. Может быть, его расстреляли бы герои Тихого Дона, а может, вступил бы Олейников в ряды белоказачков: многие тогда воевали то в Белой, то в Красной. Ушел бы потом в «казачье зарубежье». Общался бы с какой-нибудь «парижской нотой». Хотя, думаю, судьба его не сильно бы отличалась от настоящей: в эмиграции ведь был не только, скажем, Борис Поплавский или Георгий Иванов, но и Юрий Оларченко. Конечно, служить Олейникову довелось бы не в детском журнале, а какой-нибудь посудомойкой или шофером, но стихи были бы те же. К российскому читателю он пришел бы в том же объеме и в то же примерно время. Да и погиб бы тоже, наверное, ненамного позже: убили бы его большевики (как, например, казака и писателя Петра Краснова) за сотрудничество с гитлеровцами. Или гитлеровцы бы убили — за Сопротивление, а то и просто на всякий случай, поэт ведь.

Через плечо висит на перевязи
шпага, а на талии
Крючками укреплен широкий
пояс из тисненой кожи.
Рука военного покоится
на пистолетном ложе,
Украшенном резным
изображением баталии. ■